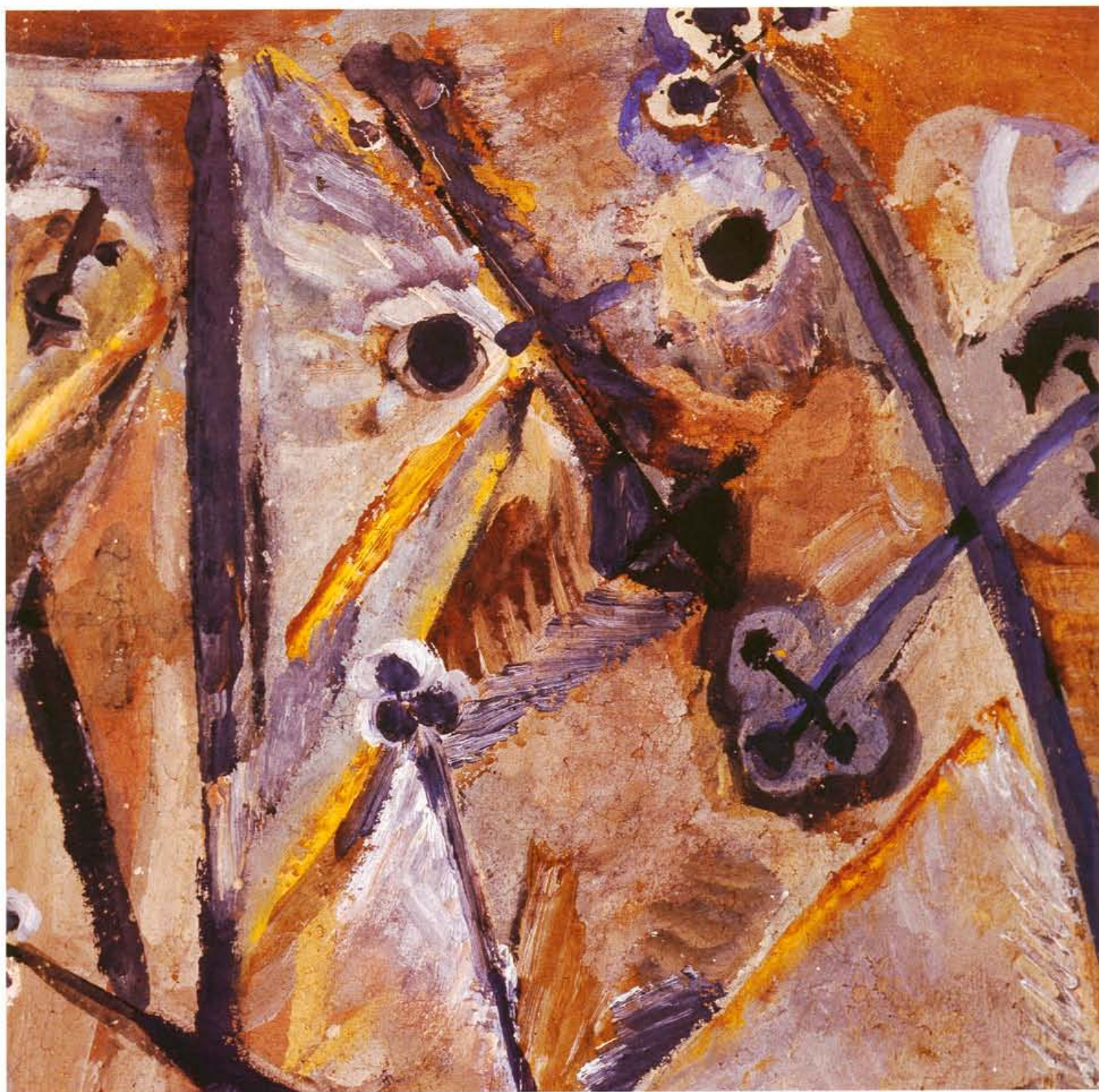
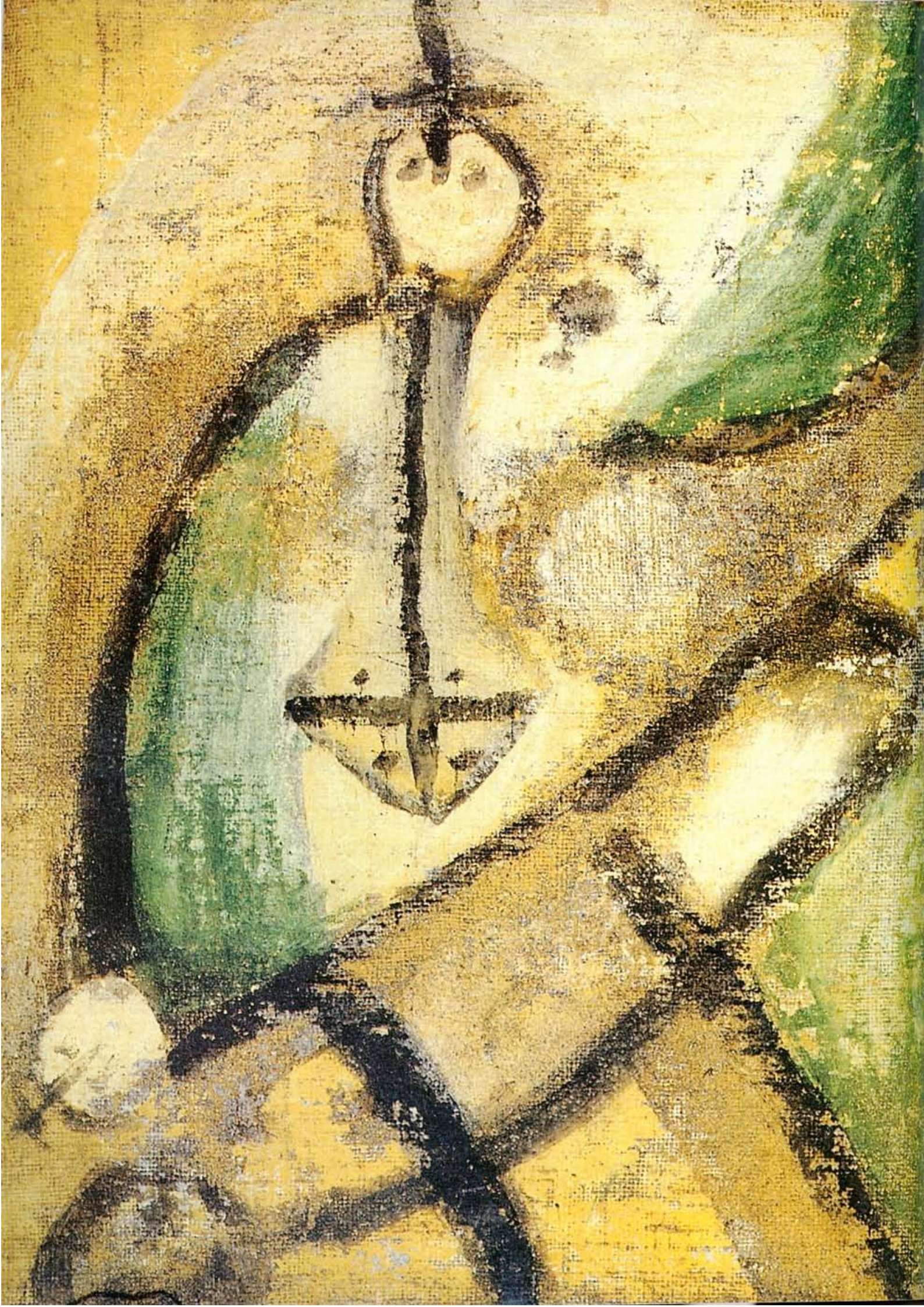

ИСКУССТВО

(профили)

Марлен Шпиндлер. В не так давно вышедшем сборнике «Художник о художнике» по поводу Марлена Шпиндлера среди прочих высказались двое. Один: «Говорят, у него все картины в пыли, и он не разрешает их протирать». Другой: «Маэстро с большой буквы! Еще есть настоящая живопись! Но слава и признание всегда чуть-чуть опаздывают». Первый, пересказавший не им сочиненную байку, очевидно, молодой, для которого Марлен – почти что художник из «Жизнеописаний» Вазари. Второй, судя по пафосу, «шестидесятник», знающий цену живописи во всех смыслах. То есть он из поколения Марлена. И если не из числа его друзей, то явно принадлежащий к тому же сообществу художников, что и Шпиндлер.

1
Марлен Шпиндлер
Туманное утро. 1960
Бумага, темпера. 90x69
Marlen Spindler
Misty morning. 1960
Tempera on paper. 90x69

2
Марлен Шпиндлер
Композиция. 1982
Бумага, темпера. 61,3x86
Marlen Spindler
Composition. 1982
Tempera on paper. 61,3x86

Другой «другой». Прежде их, как известно, называли «неофициальными». Когда обмякшая власть призналась, что все «не» похерены, и позволила бывшим отверженным выставиться в Третьяковке, то всех их скопом за неимением более внятного определения сверстали под обложкой каталога «Другое искусство». На 191 странице среди «других» оказался Марлен. По полосам альбома сосед слева – известный Игорь Шелковский, сосед справа – не менее известный Эдик Штейнберг. Соседство почетное. Но в этом соседстве Марлен тоже другой. Он свой, но только по алфавитному порядку. На букву «Ш».

Неофициальным Марлен был не всегда. Довольно долго он работал на Комбинате графики, сочинял товарные знаки и афиши, одна из которых даже получила первую премию на каком-то важном конкурсе плаката. Другим же он был даже в самом «другом

искусстве». В этих кругах он как бы ходил сам по себе, временами исчезал, и надолго, затем внезапно объявлялся, показывал новые вещи, иной раз устраивал скандалы и снова пропадал. Подчас выставки с его участием проходили в его отсутствие. Шпиндлер не входил ни в какую андеграундную группу или кружок, где, перелистывая западные журналы, устраивали «мозговые атаки» и грызли камень премудрости современного искусства или замышляли баррикадные бои с властью. Но в трусости художника обвинить нельзя – его жизнь просто переполнена случаями конфликтов с властью.

Счеты с властью у Марлена были не столько идеологическими и политическими, сколько вообще, скажем так, экзистенциальными. По своей природе Марлен – анархист. Была советская власть – он конфликтовал с ней, была бы другая – он и ей бы стал занозой и колючкой.

Кстати о советском. Имени «Марлен» (именно мужского рода) не найти ни в православных, ни в католических «святцах» и

3
 Марлен Шпиндлер
 Цирк приехал. 1981
 Бумага, темпера. 105,5x55,5
 Marlen Spindler
 The circus arrived. 1981
 Tempera on paper. 105,5x55,5

календарях. Нет такого святого. Это было советское метисное образование: Маркс + Ленин = Марлен. Этим именем наделил его отец, романтический персонаж, склонный к революционной патетике, выходец из рода среднеазиатских раввинов, шляпник по профессии, с детства мечтавший вывести отпрыска в люди. Самому-то ему не удалось стать художником. Шпиндлер-старший хотел сделать такого из младшего и определил сына в изостудию «Мосфильма». Много ли проку было от этих классов Марлену – неизвестно. Вероятно, больше он получил от Александра Куприна, бывшего «бубнововалетца», который в 1950-е годы подрабатывал уроками в доме культуры в Сокольниках, или от Михаила Перуцкого, или Александра Гускина, ведших такие же студии в Москве.

Три креста. Свои работы Марлен до сих пор подписывает инициалом – буква «Ш» с тремя поперечными перекладинами. Тотемный знак или три креста Голгофы? Похоже и на монограмму какого-нибудь средневекового или ренессансного мастера. Марлен изобрел эту графическую формулу еще в молодости, когда и думать не мог, что когда-нибудь ему придется для других сочинять знаки. Он сам уже тогда себя обозначил. В молодости хочется казаться провидцем, причастным тайне. Хочется видеть себя мастером. Первые свои более или менее самостоятельные работы Марлен посвящал не кому-нибудь, а Андрею Рублеву. Наивно, не без пафоса. Знал бы Марлен, насколько пророческими в его судьбе окажутся эти три креста. И вовсе не в творческом, а в самом что ни на есть бытовом смысле. Три «отсидки» в лагерях. Это плата за защищенное самодостоинство, за уважение к себе.

Марлен вообще странным образом напоминает эдакого ренессансного художника – сосредоточенного на своем деле ремесленника (в лучшем, старинном, смысле этого слова), усидчивого живописца, которому корпеть бы в мастерской или на лесах, расписывая фрески какой-нибудь церкви. Но живешь ведь не в пустыне. И тут всякий раз – конфликт, любой косой взгляд – оскорбление. Например, в армии Марлен по большей части не служил, а сидел. Атлет, с детства тренировавшийся как акробат – ходил по проволоке, поднимал чудовищные гири, мечтая стать циркачом, – не очень подошел армейской жизни. Уходил в самоволку – убегал смотреть и копировать старинные фрески во Владимире. За это арест и гауптвахта. Армейские соревнования – и Марлена выпускают. Тот берет призы и снова садится на «губу» – опять удрал к фрескам.

Что говорить о неосторожно оброненном слове в его адрес? На такие оскорбления челлинневско-тинтореттовское братство обычно отвечало кинжалом или аркебу-

4

5

4
 Марлен Шпиндлер
Фантазия. 1983
 Картон, темпера. 69,5x116,5
 Marlen Spindler
Fantasy. 1983
 Tempera on cardboard.
 69,5x116,5

5
 Марлен Шпиндлер
Композиция. 1974
 Мешковина, темпера. 107x173
 Marlen Spindler
Composition. 1974
 Tempera on bagging. 107x173

зой (читай Исполита Тэна). Марлен – топором. Нет, слава Богу, не убил. Хотя тот, малаховский дачный блоститель расовой принадлежности, за слово должен был получить свое. Однако «дело» завели на Марлена, а за «делом» определили и срок, который он провел в местах не столь отдаленных. Одним словом – в Вологодской области. Курьезно и печально – отправили туда, куда он не так давно ездил копировать фрески. Вот откуда периодические отлучки из Москвы Марлена и выставки без его присутствия. Отсюда же глубочайшее уважение к Марлену со стороны не слишком в ладу с законом малаховско-красковского сообщества. Того, которое называют «казанка».

Сосед Шварцмана. «Казанка» – юго-восточное направление московских пригородных поездов. Здесь – в доме на станции Красково, куда перебралось из Средней Азии семейство Шпиндлеров – Марлен начал ощущать себя полноценным художником. Здесь у него появилась мастерская, здесь он придумал свои первые знаковые абстракции. Соседом Марлена был Михаил Шварцман. Стоит ли говорить о том, кто такой Шварцман для тогдашнего неофициального артистического сообщества? В мемуарах от Кабакова до Слепешева рефреном звучит сакральные: гуру, пророк, патриарх и т.д. Шварцман – мэтр, его искусство вообще не подлежало обсуждению, только поклонение. Даже его молчание было аксиомой для всех. Его рекомендация – пропуск для неофитов в сообщество «неофициальных» художников. Марлен получил этот «пропуск», но не воспользовался им.

Шварцман и Шпиндлер встретились и познакомились в электричке. Старший, признав хорошие графические задатки младшего, рекомендовал того на работу в Комбинат графики – делать товарные знаки. Не заметил, что перед ним врожденный живописец. Эта встреча стала и счастьем, и несчастьем для Марлена: слишком потом было трудно выбиваться из тени «старшего брата». Даже фамилии путали. А если не путали, то оговаривались: «Марлен – хороший художник, но это же не Миша Шварцман...»

Между тем занимались они одним и тем же делом, делом весьма странным для современного искусства – возрождением «иконности». Но по-разному. Ничего общего с якобы православными картинками, которые потом были в ходу в Горькоме графиков на Малой Грузинской, – сусальными куполами, крестами и выписанными святыми – этого не было.

Шварцман создавал «иературы» – некие иконы современного искусства, таинственные чертежи, паутины неведомых миров. У него была своя школа. Шварцман – учитель, мыслитель, глава. Марлен же всегда был неприкаянным школяром. Шварцман

6

Марлен Шпиндлер
Чудное мгновение. 1970
 Мешковина, темпера, 94x140
 Marlen Spindler
Miracle instant. 1970
 Tempera on bagging, 94x140

6

7

Марлен Шпиндлер
Таинственное лицо. 1964
 Бумага, темпера, 59,6x83,2
 Marlen Spindler
Mysterious face. 1964
 Tempera on paper, 59,6x83,2

8

Марлен Шпиндлер
Красный круг и цветок. 1970
 Мешковина, темпера, 101x135
 Marlen Spindler
The red circle and the flower. 1970
 Tempera on bagging, 101x135

8

требовал подчинения, Марлен никогда не терпел над собой никакой власти. Он ей сопротивлялся, какой бы она ни была – авторитарной или учительской.

Шварцман – схоластик, своего рода художник-аббат, средневековый мастер-логик, волею судьбы попавший во вторую половину XX века. Марлен Шпиндлер – художник иного рода. Скорее всего, он – мистик, интуитивист. Он не терпел и не терпит расчета, он вообще ничего не рассчитывает. Он всегда ждет какого-то призыва или прорыва или откровения. Говорят, что Марлен «стихийный талант, стихийный живописец». Это так и не так. Перед тем, как написать вещь, он ее обдумывает: набрасывает эскизы, уточняет форму, записывает на полях

кроки, где и какой цвет положить. Он, скажем, чувственно размышляет. Его квартира в Сокольниках – музей икон. Есть иконы XVII века, есть и «городецкие» игрушки и «хохломы» росписи. Фольклор. Все это Марлен собирает издавна. Как материал, как «наглядное пособие»? Да нет, скорее как нужное для него окружение, без которого он не может обойтись. Он в них всматривается, пытаясь от них подпитаться. Он с ними живет.

Как уже говорилось, в молодости Марлен изобрел собственный знак-инициал – перекрещенную штрихами букву «Ш». Тогда же он придумал систему кодов своей живописи или же изографии. Стоит всмотреться в эти холсты и листы. Можно распознать «Святую Троицу», «Вербное воскресенье», «Бегство в Египет», «Поклонение волхвов», «Рождество», «Святой Трифон на коне». Сюжеты не всегда различимы на первый взгляд, довольно обобщенные, требующие всматривания. Абстрактные? Не слишком распознаваемые? Иной раз Марлена причисляют к абстракционистам. Возможно. Когда-то один из учителей Шпиндлера, Евгений Якуб, ведший одну из студий самодеятельных художников, сказал ему: «Ты – обоб-

читель, формалист. Трудно тебе будет».

Марлен по своему художническому, а лучше сказать, по темпераментному складу – мастер фрески, фрескист, монументалист, которому нужны размах и плоскости. Но не сложилось так, не получилось у него работать на лесах. Его, так сказать, наставник или руководитель, что ли, – Михаил Шварцман – писал на досках, как и нужно было бы писать старинным иконописцам – по «поволоке», по левкасу и т.п.. Марлен – на мешковине, ткани грубой по фактуре. Говорил, что так ближе к земле, к правде. Не наивно ли? Он ее подбирал на задворках магазинов, отстирывал и потом натягивал на подрамник. Ездил в Феропонтово, собирал разноцветные камушки, из которых, как ему думалось,

9
 Марлен Шпиндлер
Belle époque. 1970
 Холст, темпера. 82x95
 Marlen Spindler
Belle époque. 1970
 Tempera on canvas. 82x95

старые иконописцы, перетирая, творили свой неповторимый колер. Краску Марлен замешивал в Малаховке – перетирал минералы с яичным желтком – делал темперу по старинным рецептам. Ему так казалось. Связь выходила не слишком приятной для обоняния. А жарким летом, когда вся эта художественная органика витает в воздухе... Сосед по даче выказал претензии. Не в слишком корректной форме и не только по поводу запахов. Дачу у Марлена сожгли. В ответ сосед получил по заслугам. А Марлен снова отправился отбывать срок.

Русский инк. Марленовские знаки или знаки-обереги – три креста. Они переходят из картины в картину. Переплетаются, сходятся вместе, вырастают эдаким букетом. Крест – голова, крест – человек. Три креста – «Троица». И три креста – семья, сообщество, знак счастья. Некоторые работы так и называются «Счастье». А потом появляются «Цирки», «Акробаты», «Цыгане». Его святой – это Святой Трифон или скачущий на коне акробат?

Его лики – лики святых или циркачей? Где у него святость, где цирк?

Когда-то я писал в одном очерке о Марлене и назвал его не слишком русским художником. Больно много в нем метисного, смешанного. Один мой приятель-художник как-то сказал: «Марлен? Так это же русский инк, майя или ацтек. У него дикий, стихийный талант».

Марлен напоминает какого-то «латино-

са», художников типа кубинца Вифредо Лама или чилийца Экаурена Матта. (Как-то Пикассо сказал Ламу: «Ты, конечно, не интеллигент, но перед твоей дикой метисной мощью даже я пасую».) Художников, которые тянутся к современности, подбирая к ней странные образы. Для «латиносов» это афро-американские культуры «сантерии» и «вуду», где смешиваются христианские святы и языческие символы.

А для Марлена, в жилах которого слились кровь среднеазиатских раввинов и новгородских мастеровых, у кого в памяти орнаменты Самарканда и Ташкента, а еще и фрески Владимира и Суздаля? Таким он родился, таким он стал, такое искусство из него исходит. Наверное, Марлен – последний из художников этого чудного евроазиатского мира, который некогда называли СССР, а потом СНГ, и первый художник некоей виртуальной евразийской страны. Которая еще толком не появилась, которая толком не распознала, не поняла своих художников.

Михаил Бодэ

